

Вернисаж ОГ

ОБЩАЯ ГАЗЕТА / 25 СЕНТЯБРЯ – 1 ОКТЯБРЯ 1997 ГОДА / № 38 (217)

9

ОБЩАЯ ГАЗЕТА - 1997 - 25 СЕНТ -
- 1 ОКТ - 97.Искусство
муляжей
и миражей

Странная особенность времени: то, что прежде называлось «искусством», все чаще становится формой светской жизни. Ею и ограничиваясь. Событие остается значимым только для тех, кто на него пришел. А приходиться имеет смысл, если тебя угостят, если ты потолкаешься среди знакомых, узнаешь новости, посплетничаешь, расскажешь с полным ртом жульена анекдоты, хорошо-с... По какому, говорите, поводу мы собрались?

Объявление шестерых претендентов на литературную премию Букера-97 в Доме журналистов отличалось, как всегда, хорошим и вкусным столом, накрытым там же, и собрало, что называется, «всю окололитературную Москву». На таком гастрономическом фоне список финалистов выглядел излишней и быстро забываемой подробностью. Тем более что очень многие из собравшихся слышали названные имена впервые в жизни. Конечно, еще Пушкин заметил, что мы ленивы и нелюбопытны, и хотя литературные критики могли бы продолжать чтение книг и журналов, но увы... Что же говорить об остальных бывших читателях бывшей читающей страны.

Тем более что в списке почему-то не оказалось единственной книги, которая действительно вызвала ажиотажный интерес публики. Речь идет о романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота», уже переведенном на тринадцать языков. Жюри имело хоть какую-то возможность зацепиться за текущую реальность, но с достоинством прошло мимо этой цели. Всю пресс-конференцию оно довольно забавно объясняло факт выбора пустоты вместо Чапаева-Пелевина, но поздно, поздно... Столь же примечательно было и то, что из шести отмечен-

ных текстов четыре (!) было напечатано в «Новом мире» – пожалуй, самом скучном и выморочном из нынешних толстых журналов. А поскольку два других произведения были почерпнуты из малотиражных «Континента» и «Урала», то можно сказать, что более приличные журналы «Знамя», «Дружба народов», «Звезда» и «Октябрь» были тихо придушены жюри под ковром.

Право, не стоит забивать читателю голову неизвестными ему именами букиеровских финалистов. От себя замечу, что лично мне очень нравятся повести отмеченного Анатолия Азольского и роман Дмитрия Липскерова «Сорок лет Чанчжоу», вышедший книгой в «Вагриусе». Кто-то еще слышал имя Людмилы Улицкой. Пусть их присутствие в букиеровском списке станет хорошим поводом для дальнейших интервью в «Общей газете» и более близкого знакомства с этими писателями.

Бедные англичане, перенесшие свою премию в Россию, давно уже подозревали что-то неладное в русском литературном доме и не чаяли, как избавиться от своего в нем присутствия.

Помог счастливый случай в лице нового спонсора – Фонда памяти Петра Васильевича Смирнова. Да, да, того самого, продукцию которого поддержал сам президент в нашей общей борьбе с одноименным заокеанским зелем. У Букера на слух более книжная фамилия, хотя он производит вовсе не печатную продукцию, а закуску к «Смирнову», но суть ведь не в форме, а в содержании литературных премий. В прошлом году оскандалился «Антибукер», решивший по-барски благодетельствовать поэтов: мол, морду не кривите, а берите, чего дают. Английский Букер ведет себя цивилизованно, но «приколы» русского жюри, кажется, окончательно выбили его из рамок здравого смысла, приличного островитянам. Может, поэтому, как шепнул мне один из присутствующих, в конце октября состоится презентация «настоящей ежегодной литературной премии» – тысяч эдак на двадцать пять долларов и в преде-

Московский фуршет как он есть.

лах чистого разума. Но, тс-с-с... дальше тишина, а то, как сказал, стоя со мной за одним столом в Доме журналистов «каталожный поэт» и обозреватель журнала «Итоги» Лев Семенович Рубинштейн: «язык до киллера доведет...»

Итак, перехватив наскоро жульенов с заливным и креветок с авокадо, окололитературная публика органично перетекла в галерею М. Гельмана, где смешалась с публикой околхудожественной на открытии выставки Татьяны Назаренко «Московский стол». Только что покинутое на одном столе изобилие зернистой икры, осетрины, поросят под хреном и водок смирновской, горбачевской, русской, советской, ельцинской, наркомовской и прочих – ждало нас и на другом столе. Но уже в качестве произведения искусства, то есть в виде муляжей и обманок, окруженных другими приметами нашей жизни, как-то: памятников Жукову и Петру, Храма Христа Спа-

сителя, казино и Макдоналдса, Иверских ворот и музея Шилова, продажных девушек и зеленых насаждений, зоопарка и возвышающегося надо всем памятником творцу «новой Москвы» Юрию Михайловичу Лужкову с лопатой в руке.

Татьяна Назаренко – известный живописец-реалист, лауреат Госпремии, но ведь сегодняшнюю нашу жизнь иначе как в жанре «муляжа и миража» и не изобразить.

Зрителю предлагается «московский фуршет» в его чистом и незамутненном виде. Более того, сам зритель подается к столу в немеренном жанровом многообразии. То проездом из Нормандии в Тифлис в зале мелькает Толстый – бывший московский художник-хулиган, а ныне парижанин и заслуженный артист французского кино. Кто не помнит его блистательного палача в «Королеве Марго»? То проходит главный редактор

«Последних новостей» лысый Игорь Дудинский с десятой по счету официальной женой, на голову его выше. То сам хозяин галереи Марат Гельман отвлекается от разговора с «митком» Дмитрием Шагиным и начинает показывать вам план реконструкции Гостиного двора, который под его личным руководством должен быть воссоздан в стиле XIX–XXI века не позднее следующей осени. («Архитектор Посохин, сам участвовавший в конкурсе, зарыдал и сказал, что у нас лучше!») То обещается выход на днях нового журнальчика с милым и ненавязчивым названием – «Пушкин». В общем, все, как у Татьяны Назаренко на московском столе: небоскреба ниже бутылки с водкой, поросенок из хорошо прожаренной фанеры с хреном, зритель – сам большой и себе на уме.

Игорь ШЕВЕЛЕВ